Ганс Христиан Андерсен

Улитка и розы

Сад окружала живая изгородь из орешника. За нею начинались поля и луга, где паслись коровы и овцы. Посреди сада цвел розовый куст, а под ним сидела улитка. Она была богата внутренним содержанием — содержала самое себя.

— Погодите, придет и мое время! — сказала она. — Я дам миру кое-что поважнее этих роз, орехов или молока, что дают коровы и овцы.

— Я многого ожидаю от вас, — сказал розовый куст. — Позвольте же узнать, когда это будет?

— Время терпит. Это вот вы все торопитесь! А торопливость ослабляет впечатление.

На другой год улитка лежала чуть ли не на том же самом месте, на солнце, под розовым кустом. Куст выпускал бутоны и расцветал розами, каждый раз свежими, каждый раз новыми.

Улитка наполовину выползла из раковины, навострила рожки и вновь подобрала.

— Все как в прошлом году! Никакого прогресса. Розовый куст остается при своих розах — и ни шагу вперед!

Прошло лето, прошла осень, розовый куст пускал бутоны, и расцветал розами, пока не выпал снег. Стало сыро, холодно; розовый куст пригнулся к земле, улитка уползла в землю.

Опять настала весна, появились розы, появилась улитка.

— Теперь уже вы стары! — сказала она розовому кусту. — Пора бы и честь знать. Вы дали миру все, что могли. Много ли — это вопрос, которым мне некогда заниматься. Да что вы ничего не сделали для своего внутреннего развития, это ясно. Иначе из вас вышло бы что-нибудь другое. Что вы скажете в свое оправдание? Ведь вы скоро обратитесь в сухой хворост. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Вы меня пугаете, — сказал розовый куст. — Я никогда над этим не задумывался.

— Да, да, вы, кажется, мало затрудняли себя мышлением! А вы попробовали когда-нибудь задаться вопросом: зачем вы цветете? И как это происходит? Почему так, а не иначе?

— Нет! — сказал розовый куст. — Я просто цвел от радости и не мог иначе. Солнце такое теплое, воздух так освежающ, я пил чистую росу и обильный дождь. Я дышал, я жил! Силы поднимались в меня из земли, вливались из воздуха, я был счастлив всегда новым, большим счастьем и поэтому всегда должен был цвести. Такова моя жизнь, я не мог иначе.

— Словом, вы жили не тужили! — сказала улитка.

— Конечно! Мне было все дано! — отвечал розовый куст. — Но вам дано еще больше! Вы одна из тех мыслящих, глубоких, высокоодаренных натур, которым суждено удивить мир.

— Была охота! — сказала улитка. — Я знать не желаю вашего мира. Какое мне до него дело? Мне довольно самой себя.

— Да, но мне кажется, все мы, живущие на земле, должны делиться с другими лучшим, что в нас есть! Отдавать им все, что можем!.. Да, я дал миру только розы... А вы? Вам дано так много. Что дали миру вы? Что вы ему дадите?

— Что дала я? Что дам? Плевать мне на мир! Он мне ни к чему! Мне дела до него нет! Снабжайте его розами, вас только на это и хватит! Пусть орешник дает ему орехи, коровы и овцы — молоко, у них своя публика! Моя же — во мне самой! Я замкнусь в себе самой — и баста. Мне нет дела до мира!

И улитка заползла в свою раковину и закрылась в ней.

— Как печально! — сказал розовый куст. — А я и хотел бы, да не могу замкнуться в себе. У меня все прорывается наружу, прорывается розами. Лепестки их опадают и разносятся ветром, но я видел, как одну из моих роз положила в книгу мать семейства, другую приютила на своей груди прелестная молодая девушка, третью целовали улыбающиеся губки ребенка. И я был так счастлив,

я находил в этом истинную усладу. Вот мои воспоминания, моя жизнь!
И розовый куст цвел во всей своей простоте и невинности, а улитка тупо дремала в своей раковине — ей не было дела до мира.
Шли годы...
Улитка стала прахом от праха, и розовый куст стал прахом от праха, истлела в книге и роза воспоминаний... Но в саду цвели новые розовые кусты, в саду росли новые улитки. Они заползали в свои домики и плевались — им не было дела до мира. Не начать ли эту историю сначала? Она будет все та же.